

Лия
ЛАТТЕ

РАЗВОД

Игра на вылет

Лия Латте

Развод. Игра на вылет

«Литнет»

2025

Латте Л.

Развод. Игра на вылет / Л. Латте — «Литнет», 2025

— Я бросила учебу! Я переехала за тобой через всю страну! Я родила тебе двоих детей, Стас!— И что? Ты хочешь медаль за это? Миллионы женщин рожают и не ноют! Ты жила как в сказке, пока я пахал на поле!— Ты пахал? А я, по-твоему, отдыхала? Я тащила на себе весь наш дом, детей и поддерживала тебя, как могла!— Поддерживала? Да ладно, Алис. Быть рядом – это твоя обязанность, не придумывай себе заслуг.— И поэтому ты решил мне изменить?

© Латте Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Ключ в замке повернулся в 3:17 ночи.

Я знала это так точно, потому что уже час пялилась на красные цифры электронных часов на духовке. Они гипнотизировали. 3:14... 3:15... 3:16...

Я сидела на кухне в нашем огромном, пустом доме, кутаясь в старый махровый халат. На плите стояла кастрюля с остывшим борщом. Его любимый. Я всегда ждала его. Сколько бы он ни задерживался – с "тренировок", с "командных ужинов", с "интервью". Я была той самой "правильной" женой футболиста. Той, что создает тыл. Той, что ждет.

Дверь щелкнула.

Я подскочила, поправляя халат, пытаюсь на ходу пригладить волосы. Глупо. Кому это нужно в три часа ночи? Но я хотела, чтобы ему было приятно меня видеть.

Он вошел на кухню. Выглядел уставшим, но как-то по-хорошему. Он даже улыбнулся мне.

— Котик, ты чего не спишь?

Он подошел ко мне, раскинув руки для объятий. Это был наш ритуал. Он возвращается, я его обнимаю. Я его "батарейка", как он любил говорить.

Я шагнула к нему, как делала это тысячу раз, уткнулась носом ему в шею, вдыхая родной запах...

И замерла.

Это был не его запах.

Это не был запах пота после игры, не его дезодорант и не сигаретный дым из бара.

Это были *духи*.

Густой, приторно-сладкий, какой-то удушающий запах. Чужой. Я таких не знала, я вообще не разбиралась в парфюмерии. Но я точно знала, что так пахнет не в мужской раздевалке. Так пахнет... женщиной.

И этот запах был не просто на его пиджаке. Он был на его шее. Он въелся в его кожу.

Я отшатнулась. Резко, словно меня толкнули. Воздуха не хватило.

— Эй, ты чего? — улыбка сползла с его лица. Он нахмурился, и в его голосе прорезалось раздражение. — Алис?

— От тебя... пахнет, — я выдавила это.

Он тяжело вздохнул. Его знаменитый "устал-от-этих-глупостей" вздох.

— Алис, я же говорил, что буду поздно. Мы с парнями посидели, потом в ресторане... Там было полно народу. Жены партнеров, какие-то фанатки... кто-то обнял для фото, я не помню. Не начинай, а?

Он говорил это так убедительно. Так... привычно. Он всегда так говорил. И я всегда верила.

— Я так устал, — он потер переносицу. — Мечтаю только о душе и сне.

Он говорил это, а я смотрела на него. На своего Стаса. На "Молота". На этого сильного, властного, харизматичного мужчину, которого я любила больше жизни. И я так отчаянно хотела ему верить. Даже сейчас. Я уже была готова кивнуть, улыбнуться и пойти греть борщ.

Он, видимо, решил, что и в этот раз пронесло. Что я, как обычно, проглотила его объяснения.

— Все, я в душ, — он устало махнул рукой и повернулся, чтобы идти к лестнице. — Завтра тяжелый день.

Он повернулся ко мне спиной.

И тут я это увидела. Сначала мельком, как что-то неправильное, за что цепляется глаз. Как я не заметила раньше? Когда он вошел, когда обнимал меня? Наверное, я просто не хотела замечать.

Его клубная футболка, та самая, в которой он уезжал сегодня утром, была надета наизнанку.

Это было так по-дурацки очевидно, что я не сразу поверила своим глазам. Все швы были наружу, а яркий логотип спонсора тускло просвечивал с изнанки. Это было невозможно не заметить. Эта деталь кричала громче любых признаний.

И перед глазами мгновенно, без моего спроса, вспыхнула картинка: чужие руки стаскивают с него эту футболку. Он, мой Стас, в чужой кровати, в чужой комнате, с чужой женщиной. А потом, в спешке, в темноте, торопясь домой к своей "удобной" жене, он натягивает ее обратно, даже не заметив, что ошибся.

Он уже был на первой ступеньке, когда мой голос, который, казалось, принадлежал не мне, а какой-то другому, остановил его.

— Стас.

Он обернулся. В его глазах плескалось неприкрытое недовольство.

— Ну что еще, Алис? Я спать хочу вообще-то.

Я не могла отвести взгляд от его формы. Я просто подняла руку и молча ткнула пальцем в его грудь.

Он непонимающе нахмурился, посмотрел вниз. На свою футболку.

И я увидела, как его лицо изменилось. Это была всего доля секунды. Уверенность сменилась... нет, не страхом. Не раскаянием.

Холодным, злым раздражением.

Он понял, что попался. Попался не на запахе, который можно было списать. А на чем-то глупом, материальном, неопровержимом.

Он медленно поднял на меня глаза. И та ухмылка, которая раньше сводила меня с ума, теперь выглядела омерзительно.

— Наблюдательная, — протянул он. — И что теперь?

Глава 2

— Наблюдательная, — протянул он, и в его голосе проскользнуло неприкрытое раздражение. — И что теперь?

Я молчала, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Воздух на кухне, казалось, звенел от напряжения.

— Ну? Что ты молчишь, как воды в рот набрала? — рявкнул он. — Опять что-то себе напридумывала? Что не так?

Слова вырвались сами, тихие, но твердые, как камень.

— От тебя пахнет чужими духами, а твоя футболка наизнанку, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Ты был с другой.

Я ожидала чего угодно: крика, злости, очередного потока лжи. Но вместо этого он замер на секунду, посмотрел на меня так, будто впервые увидел, и его лицо вдруг изменилось. Раздражение исчезло, и он... рассмеялся. Негромко, устало, так, словно я сморозила самую большую глупость в его жизни.

— Господи, вот до чего усталость доводит, — он покачал головой, проводя рукой по своей вывернутой футболке. — Ты об этом? Серьезно? Алис, я думал, случилось что-то страшное.

Я молчала, не зная, что сказать. Его реакция была настолько не такой, как я ожидала, что я растерялась. Я приготовилась к крикам, к скандалу, к отрицанию, но не к этому снисходительному веселью.

— Алис, я же говорил, в ресторане был полный дурдом, — начал он объяснять, и его голос звучал так спокойно, так убедительно. Он подошел к столу и сел, глядя на меня снизу вверх. — Мы сидели за столом, и какой-то идиот-официант, восемнадцатилетний пацан, споткнулся и опрокинул на меня целый поднос. Там был какой-то ягодный соус к мясу, горячий. Вся футболка в этом липком дерьме. Тренер еще ржал, говорит, примета плохая. Я был злой как черт.

Он рассказывал, а я стояла истуканом. Картина была яркой и до обидного правдоподобной.

— Пришлось идти в машину, переодеваться в запасную футболку из сумки, — продолжал он. — В темноте, на заднем сиденье, торопился, чтобы обратно вернуться... Наверное, и вывернул. Я даже не заметил. Ты первая, кто сказал.

Он говорил, а я смотрела на него, и отчаянно хотела ему верить. Ну конечно, как все просто. Глупый официант, соус, спешка... Любой бы на его месте...

— Но... запах, — прошептала я. Это было последнее, за что цеплялся мой мозг. Соус не мог так пахнуть. — Духи...

Его лицо мгновенно стало жестким. Улыбка исчезла, и в глазах появился холодный, колющий блеск.

— Опять? Алис, мы это уже проходили. Я тебе уже объяснил! Там было сто человек! Фанатки, жены, журналистки! Все лезут обниматься, фотографироваться! — он повысил голос, и я вздрогнула. — Что ты от меня хочешь? Чтобы я шарахался от каждой женщины, которая ко мне подходит? Чтобы носил с собой табличку "Не обнимать, жена ревнует"?

Он встал. Медленно, угрожающе. И пошел на меня. Я невольно попятилась к стене.

— Я не понимаю, что с тобой происходит в последнее время, — продолжал он, наступая. Его голос гремел. — Я пашу на поле как проклятый, чтобы у тебя и у детей все было, возвращаясь домой в четвертом часу ночи, вымотанный до предела, а ты встречаешь меня с допросом? Устраиваешь сцены ревности из-за футболки и какого-то запаха, который тебе померещился?

Он остановился в шаге от меня, глядя сверху вниз. Властный. Неприятный. И такой до боли родной.

— Ты просто устала, — сказал он уже тише, но в этой тишине было больше угрозы, чем в крике. Он протянул руку и убрал прядь волос с моего лица. Его пальцы были холодными. — Сидишь тут одна целыми днями, накручиваешь себя, придумываешь всякую ерунду. Тебе надо отдохнуть, котик.

Я смотрела в его глаза и чувствовала, как вся моя уверенность, такая хрупкая, испаряется, утекает, как вода сквозь пальцы. Может, он прав? Может, я и правда все надумала? Футболка... ну, всякое бывает. Запах... он же публичный человек, вечно в толпе...

— Я... — я хотела что-то сказать, но не нашла слов. Горло сдавило спазмом.

— Знаешь что? — он брезгливо поморщился, отдернув руку, словно прикоснулся к чему-то неприятному. — Я слишком устал для этого цирка. Я пойду спать в гостевую. Не хочу слушать твои вздохи и ворочания всю ночь, пока ты будешь переваривать свои фантазии.

Он развернулся и ушел, оставив меня одну посреди кухни.

Я стояла еще минут десять, прислушиваясь к тишине. Чувствовала себя полной, законченной идиоткой. Он так убедительно говорил. Наверное, я действительно сошла с ума от усталости и одиночества. Устроила скандал на пустом месте, обидела уставшего мужа.

Я медленно подошла к раковине и посмотрела на свое отражение в темном стекле. Уставшая, растрепанная женщина с безумными глазами.

Да, наверное, я и вправду просто сильно устала и напридумывала.

Глава 3

Я проснулась от солнечного луча, который бил прямо в глаза. Я так и не нашла в себе сил подняться в нашу спальню. Так и уснула прямо здесь, на кухне, сидя за столом и уронив голову на руки. Спина затекла, шея ныла, а в голове гудела тупая, ноющая боль. Первая мысль была примитивной, животной – как неудобно. И только потом память услужливо подбросила картинку: лицо Стаса, его футболка, удушливый запах чужих духов.

В доме было тихо. Слишком тихо. Обычно по утрам он шумел в ванной или гремел на кухне в поисках протеинового коктейля.

Я поднялась и на ватных ногах пошла наверх. Дверь в гостевую спальню была приоткрыта. Кровать была аккуратно заправлена, будто в ней и не спали. Он ушел. Уехал на тренировку, даже не разбудив меня. Не попрощавшись.

Часть меня испытала облегчение. Не нужно было смотреть ему в глаза, не нужно было натянуто улыбаться и делать вид, что все в порядке.

А другая, самая большая и глупая часть меня, съежилась от обиды. Он даже не посчитал нужным сгладить острые углы. Просто ушел, решив, что я, как всегда, переварю и успокоюсь.

«Наверное, я и вправду просто сильно устала и напридумывала», — повторила я вчерашнюю мантру, как заклинание. Я повторяла ее, пока чистила зубы, пока заваривала кофе, пока доставала из холодильника молоко для детской каши.

В восемь утра дом ожил. Топот маленьких ножек по лестнице, звонкий смех, а потом громкий крик: «Мама, я не хочу в садик!».

Я с головой ушла в утреннюю рутину: каша, мультики, заплетание тугих косичек дочке и вечный поиск потерявшегося носка сына.

Эти простые, понятные дела были моим спасательным кругом. Они позволяли не думать.

Когда я вернула детей из садика и школы, зазвонил телефон. На экране высветилось «Лана». Жена второго вратаря нашей команды. Моя так называемая «подруга», королева светских сплетен.

— Алисочка, привет, дорогая! — пропел ее голос. — Звоню узнать, как твое самочувствие. Мы тебя вчера так ждали на ужине, а Стас приехал один. Сказал, что тебе нездоровится и ты решила дома остаться. Мы все волновались. Тебе уже лучше?

Я замерла, вцепившись в телефон. Решила дома остаться? Я даже не знала ни о каком ужине, поэтому меня там и быть не могло.

Стас не просто солгал мне ночью, он подготовил эту ложь заранее, создав для меня роль больной жены. Но зачем?

— Привет, Лан, — я постаралась, чтобы мой голос звучал слабым и усталым, входя в навязанную мне роль. — Да, уже лучше, спасибо. Просто мигрень вчера скрутила, пластом лежала.

— Ой, бедняжка! — в голосе Ланы было столько фальшивого сочувствия, что у меня заныли зубы. — А зря ты не пришла! Самое интересное пропустила! После ресторана наш тренер, Михалыч, пригласил всю «основу» к себе домой! Представляешь? Мой-то в запасе сидит, так что нас не позвали. Говорят, до утра гуляли! Кирка, жена его, наверное, набегалась с закусками...

У меня похолодели руки. «После ресторана... к тренеру домой... до утра...»

Картинка медленно складывалась...

— Ладно, дорогая, я побежала, — зашебетала Лана. — Целую!

Она отключилась. А я осталась стоять посреди гостиной, сжимая в руке телефон. Зачем? Зачем ему было врать всем, что я больна? Чтобы его не доставали с вопросами, где его жена? Чтобы спокойно провести время с кем-то? Но с кем?

И тут я поняла, что сегодня четверг. А по четвергам у женсовета нашего клуба обязательное мероприятие – мы ездили в подшефный детский дом. Лицо команды нужно поддерживать.

Я не хотела ехать. Я хотела залезть под одеяло и умереть. Но я не могла. Я была «женой Молота». Я должна была улыбаться, держать лицо, быть идеальной.

Через час я, накрашенная, одетая, с идеальной укладкой и натянутой улыбкой, входила в холл детского дома. Девочки уже щебетали, обсуждая последние сплетни. Я поздоровалась со всеми, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

И тут ко мне подошла она.

Кира. Жена тренера. Высокая, эффектная блондинка в обтягивающем кашемировом платье. Она всегда была центром внимания.

— Алисочка, привет! — она широко улыбнулась и шагнула ко мне, чтобы обнять. — Как жаль, что ты вчера не пришла! Стас сказал, что ты приболела.

Она прижалась ко мне в дружеском объятии.

И я почувствовала его.

Этот запах.

Густой, приторно-сладкий, удушливый. Он исходил от ее волос, от ее шеи, от ее дорогого платья. Он окутал меня, забился в нос, парализуя волю.

Это был тот самый запах. Запах с кожи моего мужа.

Мир не рухнул. Он просто остановился. Я стояла, обнимая любовницу своего мужа, а она что-то говорила мне, улыбалась, и ее голос доносился до меня как будто из-под толщи воды.

В голове была только одна мысль, оглушительная в своей простоте.

Это она.

Глава 4

Время остановилось. А потом потекло снова, но как-то неправильно, вязко, словно патока. Я стояла, обнимая Киру, и улыбалась. Мышцы лица сами собой сложились в привычную, вежливую гримасу. Я была женой «Молота». Я умела улыбаться, когда хотелось кричать.

Вокруг смех, гул, гам, но я ничего не слышала, кроме шума крови в ушах и ее голоса.

— ...а я себе решила устроить отпуск! Полечу на Бали, — щебетала она мне прямо в ухо, а я чувствовала, как ее духи, ее запах, въедаются в мою одежду, в мою кожу. Она отстранилась и подмигнула остальным девочкам. — С мужем? Ну какой с мужем? От мужей тоже надо отдыхать, вы же понимаете, о чем я? Но одной мне там точно скучно не будет, уж поверьте.

Я медленно отстранилась. Мои руки были как деревянные. Я посмотрела ей в глаза — голубые, наглые, счастливые. Она ничего не подозревала. Для нее я была просто Алисой. Удобной, тихой Алисой, женой ее любовника.

— Прости, Кира, — мой голос прозвучал на удивление ровно. — Мне что-то снова нехорошо. Голова разболелась.

— Ой, бедняжка! Опять твоя мигрень? — в ее голосе было столько фальшивого сочувствия, что меня затошнило. Она участливо коснулась моей руки. — Конечно, беги домой! Отлежись!

Я кивнула, развернулась и пошла к выходу, не оглядываясь. Я чувствовала на своей спине ее взгляд и взгляды других жен. Наверное, они шептались: «Опять у Алиски мигрень. Какая же она слабенькая».

Пусть. Пусть шепчутся.

Я села в машину и захлопнула дверь. Тишина в салоне оглушила меня. Я несколько минут просто сидела, вцепившись в руль, и смотрела на пестрых, смеющихся детей за забором детского дома.

А потом меня накрыло.

Это была не истерика. Я не кричала. Я не плакала. Меня просто начало трясти. Крупной, неудержимой дрожью, от которой стучали зубы. Я вцепилась в руль, пытаюсь унять это, но тело меня не слушалось.

Он не просто изменил мне. Он изменил мне с ней. С Кирой, которая учила меня печь ее «фирменный» яблочный пирог. С Кирой, чьи дети играли с моими детьми. С Кирой, которую я считала подругой.

Они делали это у меня под носом. Они смеялись надо мной. Интересно, другие жены знают, догадывались?

Вся моя жизнь, такая идеальная, такая правильная, оказалась фарсом. Просто каким-то дурацким фарсом, где я, кажется, была единственной, кто не понимал, что происходит.

Я завела машину и поехала домой. Дорога была как в тумане. Я ехала на автомате, не замечая светофоров, и один раз едва не выехала на встречную полосу. Чей-то гудок вырвал меня из оцепенения.

Дома я прошла на кухню и налила себе стакан воды. Руки все еще дрожали. Я посмотрела на свой телефон. Там не было ни одного пропущенного от Стаса. Конечно. Зачем ему звонить? Он уверен, что я, как всегда, все проглотила. Удобная, тихая Алиса.

Я поднялась на второй этаж и вошла в нашу спальню. Его половина кровати. Его подушка. Его тумбочка, на которой стояла наша свадебная фотография. Я взяла ее в руки. Мы там были такие счастливые. Такие молодые. Такие влюбленные.

Я прижала рамку к груди.

«Нет, — прошептал какой-то голос внутри меня. Голос той части меня, которая без памяти любила своего мужа. — Не может быть».

Это просто совпадение. Ну да, от него пахло духами Киры. А может, и не ими вообще, а просто похожими. Просто я, серая мышь, совсем не разбираюсь в ароматах.

Или, может быть, она случайно брызнула на него ими? Ну как-то, случайно... Или их верхняя одежда в ресторане висела рядом, и запах просто перешел с ее пальто на его куртку, а потом на него.

Да, точно, так и было! Просто дурацкое, нелепое совпадение.

А Стас... Он просто устал. Он был зол, поэтому и наврал про официанта, чтобы я отстала. Он же видел, что я не в себе. Да, точно. Именно так все и было. Он защищал меня.

Я судорожно цеплялась за эти мысли, как за спасательный круг. Я не могу, не имею права рушить все из-за своих дурацких подозрений. Из-за дурацкого запаха и футболки.

Я поставила фотографию на место. Сердце колотилось, но я заставила себя дышать ровно. Я просто устала. Я накрутила себя, как он и говорил. Это все просто дурацкие, нелепые совпадения.

Футболка, запах, слова Ланы... Всему найдется простое, логичное объяснение. Обязательно найдется...

Стас придет с тренировки, уставший, и я спокойно, без криков, его обо всем расспрошу. И он посмеется над моей глупой ревностью, обнимет и успокоит.

Он объяснит, что Кира просто слишком сильно его обняла, или что они сидели в машине все вместе, она переборщила с духами и запах остался. Он найдет объяснение. Он всегда находил. Он объяснит всё.

И все снова будет хорошо, как было всегда. Должно быть хорошо.

Я верила в это изо всех сил, потому что альтернатива была невыносимой. Я буду ждать.

Я спустилась вниз, на кухню, чтобы приготовить ужин.

И в этот момент входная дверь хлопнула, и снизу донесся восторженный визг детей:

— Ура! Папа пришел!

Глава 5

— Ура! Папа пришел!

Я замерла с ножом над куском мяса. Сердце ухнуло куда-то в пятки и забилося так, что зашумело в ушах. Я медленно повернулась к входу на кухню, судорожно вытирая руки о фартук. Ноги вдруг стали ватными.

Он вошел.

Не монстр, которого я рисовала в своем воображении. Не холодный, властный чужак. А *мой* Стас. Тот, в которого я влюбилась двенадцать лет назад и любила все эти годы

Он выглядел уставшим, измотанным, но улыбался. Той самой своей мальчишеской, обезоруживающей улыбкой.

В одной руке он держал огромный букет моих любимых пионов, в другой – пакет из кондитерской.

Дети уже висли на нем, а он, смеясь, подхватил обоих на руки, прижав к себе.

— Тигры мои! А ну, дайте отцу вздохнуть!

Он поцеловал Машу в макушку, потрепал Мишку по волосам и поставил их на пол. А потом посмотрел на меня.

Я стояла и молчала, не в силах вымолвить ни слова.

Он подошел ко мне. Медленно, будто ожидая от меня чего-то. В его глазах больше не было вчерашнего льда, только вина и нежность.

— Прости меня, Алис, — сказал он тихо, протягивая мне цветы. — Я вчера был не в себе. Просто... чертовски устал. Матч был тяжелый, потом этот идиотский ужин, пресса... Нервы были натянуты, как струна. А ты под горячую руку попала. Я такой дурак.

Он притянул меня к себе и крепко обнял, уткнувшись носом в мои волосы.

— Ты же знаешь, что ты у меня одна. Самая лучшая. Как от тебя пахнет... родная моя.

Я стояла в его объятиях, вдыхала его запах – на этот раз он пах только собой и гелем для душа. Я отчаянно пыталась уловить хоть тень, хоть отголосок того, другого, приторно-сладкого запаха. Но его не было.

И весь тот ужас, что сковывал меня последние сутки, медленно, очень медленно начал отступать.

Конечно, он устал. Конечно, я накрутила. Футболка, запах...

Господи, какая же я идиотка.

— Прости, что наговорил глупостей, — прошептал он. — Я тебя люблю. Больше всего на свете. Тебя и вот этих двух бандитов.

Я наконец-то выдохнула. Я обняла его в ответ, уткнулась лицом в его плечо, и у меня потекли слезы. Но это были слезы облегчения. Гора, давившая мне на грудь, рухнула.

— И я тебя люблю, — прошептала я. — Прости, я тоже... я просто испугалась.

— Глупышка, — он улыбнулся и поцеловал меня в лоб, вытирая мои слезы. — Так, а что у нас на ужин? Стейк? Обожаю!

Вечер был идеальным.

Он был таким, каким не был уже очень давно. Он шумно возился с детьми в гостиной, пока я накрывала на стол. Я слышала, как он рычал, изображая тигра, и как они визжали от восторга.

— Мама, мама, смотри! — Мишка прибежал на кухню, размахивая листком бумаги. — Я нарисовал, как папа забивает гол! Это мы на трибунах!

Я посмотрела на неумелый рисунок, где три палочных человечка махали руками, и улыбнулась.

За ужином мой муж был в центре внимания. Он без умолку болтал, рассказывая смешные истории с тренировки.

— Алис, ты бы видела, что вчера было, — смеялся он, наливая мне вина. — Этот ужин в ресторане... такая тоска. Все такие важные, спонсоры, руководство. И Кира, жена Михалыча, носилась от стола к столу... Боже, как от нее несло духами, у меня голова разболелась. Я сидел и думал: «Господи, вот бы сейчас домой, к тебе».

Я замерла с бокалом в руке. Он сказал это. Пожаловался на ее духи.

Я опустила глаза, чувствуя, как краска стыда заливает мне щеки. Какая же я дура. Я готова была обвинить его в измене... из-за того, что он просто посидел рядом с женщиной, которая вылила на себя полфлакона парфюма.

— Да, она... она любит яркие ароматы, — только и смогла выдавить я.

— Это не аромат, это химическая атака какая-то, — отмахнулся он. — А стейк твой — это просто отвал башки. Seriously, Алис. Ты — единственное, что держит меня на плаву.

Я смотрела на него, на наших смеющихся детей, и чувствовала, как в груди разливается забытое тепло. Все хорошо. Все было хорошо. Это был просто срыв. Просто мы оба устали.

После ужина, когда мы уложили детей, он позвал меня в гостиную.

— У меня для тебя кое-что есть, — он достал из кармана маленькую бархатную коробочку.

— Стас, не стоило...

— Стоило. В качестве извинений за вчерашнее. Я не должен был так с тобой.

Я открыла. Внутри, на черном бархате, лежали изящные серьги с сапфирами. Точно такие, на которые я засматривалась в витрине на прошлой неделе. Я тогда еще подумала, что они безумно дорогие, и просто прошла мимо.

— Ты запомнил... — прошептала я.

— Я все помню, котик, — он улыбнулся, достал серьги и сам надел их мне, его теплые пальцы коснулись моей мочки. — Ты у меня самая красивая.

Я была абсолютно счастлива. Я прикоснулась к холодному камню. Все мои страхи, все подозрения — все это было просто дурным сном, бредом уставшей женщины.

Мы сидели на диване в обнимку, я прижималась к его плечу, и в доме царила полная, идеальная тишина.

— Алис, — сказал он вдруг серьезно. — Нам нужно поговорить.

Я напряглась, и холодная змейка страха снова скользнула по спине.

— О чем?

Он отстранился и посмотрел на меня. Его глаза горели восторгом.

— Ты не представляешь, что сегодня было. Михалыч вызвал меня после тренировки. Короче... меня пригласили на эксклюзивный сбор. Звездный саммит ФИФА.

— Ого! — я искренне обрадовалась, страх тут же отступил. — Это же... это же невероятно, милый! Я так горжусь тобой!

— Да, — он кивнул, явно довольный собой. — Там будут лучшие из лучших. Со всего мира. Обмен опытом, мастер-классы... Говорят, это полностью меняет взгляд на игру. Представляешь? Только меня одного из всей команды позвали!

— Стас, это просто потрясающе! А где? Когда?

Он улыбнулся.

— Вот об этом я и хотел поговорить. Это будет... ну, место, конечно, шикарное. Сборы пройдут на... Бали.

Глава 6

— Сборы пройдут на Бали.

Если бы он ударил меня, мне было бы не так больно. Я сидела, вцепившись в бархатную коробочку от сережек, и улыбалась.

Улыбка просто застыла у меня на лице, она приклеилась к лицу. Я чувствовала, как немеют щеки, но не могла заставить себя их расслабить.

Бали.

В ушах зазвенело. А потом – тишина. Словно кто-то нажал кнопку «Mute» и выключил весь мир.

Я видела, как он говорит, как жестикулирует, но не слышала ни звука. Я перестала чувствовать, как мои ноги касаются пола, перестала слышать тихий гул холодильника на кухне.

Я вдруг с пугающей ясностью увидела пылинки, танцующие в луче света от торшера, и то, как этот свет преломляется в гранях сапфиров у меня в руках.

Мир поплыл, превращаясь в яркое, бессмысленное пятно.

В голове только голос Киры:

«...поеду на Бали... от мужей тоже надо отдыхать... одной мне там точно скучно не будет, уж поверьте...»

А потом сразу голос Стаса:

«...только меня одного из всей команды позвали...»

Картинка сложилась. Сложилась с таким оглушительным, тошнотворным щелчком, что меня качнуло, словно от удара.

Он едет на Бали. Она едет на Бали. Он едет *один*. Она едет *одна*.

Звездный саммит ФИФА и отпуск от мужа.

Какая же я идиотка. Какая же я слепая, доверчивая, жалкая идиотка. Как можно было поверить? Правильно говорят, что если тебе кажется, то это не просто...

И цветы. И пирожные. И эти... эти проклятые сережки. Я опустила взгляд на коробочку в своих руках. Сапфиры холодно блеснули в свете торшера. Час назад они были символом его раскаяния, доказательством того, что он меня слышит, что он меня любит. Теперь они были... ценой.

Это были не извинения. Это была взятка. Он принес мне их, чтобы я сияла от счастья и не задавала лишних вопросов. Это была плата за молчание, плата за мою глупость. Он покупал себе разрешение на отпуск с любовницей.

И его рассказ за ужином. Про то, как у него якобы разболелась голова от *ее* запаха...

Он не жаловался. Он *проверял*. Он смотрел, как яотреагирую на ее имя, на упоминание ее духов. И я, дура, еще и покраснела! Я сидела и стыдилась, что посмела его в чем-то заподозрить!

Он играл со мной. Он наслаждался этим. Он сидел напротив меня, смотрел мне в глаза и наслаждался тем, как легко меня можно обвести вокруг пальца. Он смотрел на свою ручную, удобную жену и, наверное, едва сдерживал смех.

Каждое его «прости», каждое его «люблю» было частью этого отвратительного спектакля.

Вся эта идеальная, теплая, уютная картинка вечера... Весь этот «*мой Стас*»... Ларчик просто открывался.

— Алис? Котик, ты чего? Зависла?

Я моргнула. Звук вернулся, резко и больно. Он смотрел на меня, все с той же восторженной улыбкой. Он ждал моей реакции. Ждал, что я сейчас захопая в ладоши и буду гордиться своим «героем».

Я медленно перевела дыхание. Слезы облегчения, которые текли по моим щекам час назад, высохли, и на их месте остался лед.

— Бали? — переспросила я. Голос был чужим, каким-то скрипучим, но я заставила его звучать радостно. — Стас, это... это просто...

Я не могла подобрать слов. Язык не слушался.

— Я же говорил! — он рассмеялся, принимая мой шок за восторг. — Я сам в шоке. Это такой шанс!

— Шанс... да, — кивнула я, заставляя себя улыбаться еще шире. Я даже встала и подошла к нему, села на подлокотник дивана. — А... а когда? Надолго?

— Через неделю. На две недели, — он откинулся на спинку дивана, полностью расслабленный, и по-хозяйски положил мне руку на колено. Он был уверен в своей безупречности, он чувствовал себя победителем. — Придется, конечно, пахать, там программа сумасшедшая. Утром теория, вечером практика, мастер-классы с легендами. Но оно того стоит.

Две недели. Целых две недели они будут там вдвоем. В раю. Пока я буду здесь, с детьми, убеждать себя, что у мужа «сборы». Какая отвратительная, продуманная ложь.

— А... а жены? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал максимально невинно. — Ну, может, какая-то программа для жен? Поддержать вас?

Он фыркнул.

— Котик, ты о чем? Это же не отпуск, это работа. Какой еще «поддержать»? Там будут только игроки и руководство ФИФА. Все серьезно.

Он подался вперед, ожидая, что я сейчас брошусь ему на шею.

И я бросилась.

Я крепко обняла его, уткнувшись лицом в его шею. Ту самую шею, которая всего сутки назад пахла *ею*. Меня едва не стошнило от отвращения, но я лишь крепче сжала руки.

— Я так рада за тебя, — прошептала я, изо всех сил сдерживая дрожь, которая билась в горле. — Ты у меня самый лучший. Ты это заслужил.

Я отстранилась и посмотрела ему в глаза самой счастливой, самой обожающей улыбкой, на какую была способна.

В голове сразу пронеслись вопросы. А муж Киры, Михалыч, их тренер? Он в курсе этого «саммита»? Он отпускает жену одну на Бали так же легко, как Стас «отпрашивается» у меня?

Или он такой же слепой идиот, как и я?

Глава 7

Я отстранилась, но улыбку с лица не убрала. Я чувствовала, как она застыла, превратившись в жесткую, неподвижную маску. Я смотрела на него – на своего счастливого, самодовольного, лживого мужа – и чувствовала, как в груди вместо льда разгорается что-то другое. Холодная, тихая ярость.

— Я знала, что ты будешь рада! — он снова откинулся на спинку дивана, по-хозяйски притягивая меня к себе. Он был на вершине мира. Он провернул свой маленький трюк, обманул глупую жену и теперь наслаждался триумфом.

— Конечно, рада, — я позволила ему обнять меня. Его рука легла мне на талию, и я едва подавила дрожь отвращения. — Просто... это так неожиданно. Ты заслужил, милый. Ты так много работал. А Михалыч? Ты ему сказал? Он, наверное, так гордится, что именно его игрока выбрали!

Я задала этот вопрос так небрежно, как могла, наливая нам обоим остатки вина в бокалы.

— Михалыч? — Стас фыркнул, принимая у меня бокал. — Ну, я ему сказал...

Не успел он договорить, как у него на столе завибрировал телефон.

Он бросил взгляд на экран и недовольно поморщился.

— Вот, легок на помине, — он взял трубку. На экране высветилось «Михалыч».

Сердце пропустило удар. Я села напротив, вся обратившись в слух, старательно делая вид, что разглядываю свои новые сережки в отражении темного экрана телевизора.

— Да, Михалыч, слушаю, — ответил он, мгновенно меняя расслабленный тон на сухой, почти официальный.

Он встал и прошелся по комнате, слушая, что ему говорят на том конце. Я видела, как напряглась его спина.

— Михалыч, мы же уже обсудили. Это не «отпуск», это официальное приглашение от ФИФА. Да, я понимаю, что сезон... Да, я понимаю, что ты тренер, но это...

Он замолчал, слушая. Его лицо становилось все более злым.

— Я не понимаю, в чем проблема? — рявкнул он в трубку. — Это огромная честь для всего клуба! Только меня одного позвали! Ты должен радоваться!

Снова пауза. Я видела, как он сжал кулаки.

— Да при чем тут Кира? — вдруг взорвался он, и я вздрогнула. — Что значит «она тоже на Бали»? Она взрослый человек, куда хочет, туда и летит! Я-то тут при чем? Ты ревнуешь, что ли?

Я вцепилась в подлокотник дивана так, что ногти впились в ткань. Значит, Михалыч не идиот. Он что-то подозревает. Он знает, что его жена тоже летит на Бали. И он, в отличие от меня, не боится сложить два плюс два.

— Михалыч, слушай, — голос Стаса стал ледяным. — Ты мой тренер, а не мой отец. Я еду на сборы. Это решено. И прекрати мешать личное с работой. Все, до завтра.

Он сбросил вызов и с силой швырнул телефон на диван.

— Вот старый маразматик! — прорычал он, раскрасневшись от злости. Он залпом осушил свой бокал.

Я смотрела на него во все глаза.

— Что... что случилось? — спросила я самым невинным тоном. — Он... он тебя не отпускает?

— Да отпустит, куда он денется! — Стас махнул рукой, пытаясь вернуть самодовольное выражение. Он плюхнулся рядом со мной на диван. — Просто ревнует. Представляешь, прицепился к тому, что Кира тоже на Бали летит! Будто мне есть до нее дело! Просто старик боится, что жена от него сбежит, вот и видит черт-те что.

— Как... совпало-то, — пролепетала я, опуская глаза. — А она что, одна летит?

— Да понятия не имею! — раздраженно бросил он. — Сказала Михалычу, что к подруге. А он и уши развесил. Детский сад.

Он подошел ко мне и снова сел рядом, притягивая меня к себе.

— Не бери в голову, котик. Это все ерунда. Главное, что мы едем. То есть, я еду.

Он улыбнулся и посмотрел на меня.

— Ты, кстати, молодец, — сказал он, погладив меня по щеке. — Правильно отреагировала. Без истерик, без глупых вопросов. Вот поэтому я тебя и люблю. Ты у меня умница. Понимающая. Ты знаешь, что я весь в работе, что эти... *слухи*... ничего не значат. Я так ценю, что ты мне доверяешь.

Он наклонился и поцеловал меня. Не так, как в прихожей – нежно и виновато. А глубоко, властно, почти грубо. По-хозяйски.

Я заставила себя ответить на этот мокрый, лживый поцелуй, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Я заставила себя не отшатнуться.

— Пойдем наверх, — прошептал он мне на ухо, запуская холодную руку мне под свитер. — Надо отпраздновать. Я так соскучился.

Я медленно кивнула, но когда он встал и протянул мне руку, я не пошевелилась.

— Что такое? — он нахмурился.

— Голова, — прошептала я, прижимая ладонь ко лбу. — Опять эта мигрень. Наверное, из-за новостей. Переволновалась.

Я постаралась изобразить самую страдальческую улыбку.

— Я, наверное, выпью таблетку и лягу здесь, на диване. Не хочу тебя будить.

Он посмотрел на меня. Мгновение в его глазах мелькнуло раздражение. Он явно рассчитывал на другое завершение вечера. Но маска «заботливого мужа» быстро вернулась на место.

— Да, котик, конечно, — сказал он, убирая руку. — Бедняжка моя. Ну ничего, отдохнешь. Я тогда наверху лягу.

Он наклонился, быстро поцеловал меня в макушку и пошел к лестнице.

Я смотрела ему вслед.

Игра на вылет началась.

Глава 8

Я смотрела в темноту, прислушиваясь к его удаляющимся шагам. Щелкнул замок в двери нашей спальни – теперь уже *его* спальни – и в доме воцарилась тишина. Глухая, звенящая тишина, в которой был слышен только стук крови в моих висках.

Маска сползла с моего лица в ту же секунду, как он скрылся из виду. Я откинулась на подушки дивана, и меня затрясло. Не от холода. От омерзения.

К горлу подкатила тошнота, и я, зажав рот рукой, бросилась в гостевой туалет на первом этаже. Меня вырвало. Желудок свело болезненным спазмом, но легче не стало.

Я умылась ледяной водой, глядя на свое отражение в зеркале. Уставшая, бледная, с огромными от ужаса глазами. Я смотрела на себя и не узнавала. Эта женщина в зеркале была той, кого можно было так легко обмануть.

Я вернулась в гостиную и завернулась в плед. Сон, разумеется, не шел. Я сидела неподвижно, как ледяная статуя.

Мозг, до этого затуманенный отчаянной надеждой, теперь работал с пугающей, ледяной ясностью. Все детали сложились в единую картину.

Бали. Кира собирается на Бали, и Стас тоже едет на Бали. А Михалыч, судя по его звонку, в ярости. Он явно не верит в «саммит ФИФА» и что-то подозревает.

Из этого следовал простой и страшный вывод: Стас солгал не только мне. Он солгал своему тренеру. Он был готов пойти на открытый конфликт с человеком, от которого зависела вся его карьера, ради этой поездки.

Это означало, что это не просто интрижка на стороне. Это не пьяная ошибка. Это было нечто гораздо более серьезное, спланированное и важное для него.

«Ты у меня умница. Понимающая».

Эти слова обожгли меня как ядовитая кислота. Он же издевался надо мной. Он насмеялся. Он хвалил меня за то, что я позволила себя так легко и изящно обмануть.

Ярость, холодная и острая, как осколок стекла, окончательно вытеснила страх и растерянность.

Хорошо. Он считает меня понимающей душой? Ну я ему покажу...

Я должна была знать все. Когда они улетают? Что это за «саммит» на самом деле? Мне нужны были доказательства. Не догадки, не мысли, не сплетни. А факты.

Я тихо, на цыпочках, поднялась на второй этаж. Прошла мимо нашей спальни. Из-за двери уже доносился его ровный, богатырский храп. Он спал. Он всегда засыпал мгновенно.

Я прошла в его кабинет.

Я не заходила сюда годами. Это была его «святая святых». Его территория. Здесь он «работал» – то есть играл в приставку и отвечал на деловые письма. Я никогда не трогала его вещи, уважая его личное пространство. Но это уважение испарилось.

Я села в его огромное кожаное кресло и включила настольную лампу. На столе царил идеальный порядок. И лежал его ноутбук.

Руки снова задрожали. Я никогда его не открывала и, конечно, понятия не имела, какой у него пароль.

Хотя...

Я попробовала дату нашего знакомства. Неверно. Дату свадьбы. Неверно. Даты рождения детей, по очереди. Неверно. Неверно. Все, что было связано с *нами*, было неверным.

Мой взгляд упал на стену, где висела его футболка в рамке. Номер 10. И его прозвище, которое он обожал.

Я набрала: М-О-Л-О-Т-1-0.

Экран разблокировался.

Господи, какая предсказуемая, какая наглая, какая тупая самоуверенность. Конечно. Только он сам.

Я открыла его почту. Я не знала, что именно ищу, поэтому просто просматривала входящие. Спонсоры, реклама, банк, финансовые отчеты. И вот оно.

Подтверждение бронирования. Авиакомпания Emirates.

Я открыла письмо.

Рейс Москва – Дубай – Денпасар (Бали). Через три дня. Пассажир: Stanislav Romanov. Класс: Бизнес.

Никакого второго билета в этом бронировании не было. Я почувствовала укол разочарования. Может, я и правда...

И тут я увидела письмо чуть ниже. От того же агрегатора, но днем ранее. «Подтверждение бронирования. Авиакомпания Emirates».

Я открыла его.

Те же самые даты, те же самые рейсы. Только пассажир: Kira Kovaleva.

Он летел с ней. Он купил им билеты на один и тот же рейс в одно и то же время, но разными бронированиями, чтобы их имена не стояли рядом. Чтобы никто ничего не заподозрил.

Я вернулась к его письмам. Ввела в поиск «Саммит ФИФА». Ничего. «FIFA». Ничего. «Сборы». Ничего.

Ложь. Абсолютная, стопроцентная ложь.

А вот и еще одно письмо – бронь отеля на Бали. Роскошная вилла с частным бассейном и пометкой «для новобрачных».

Это была не просто ложь. Это была тщательно продуманная операция. Романтический отпуск, оплаченный деньгами, которые он зарабатывал, пока я воспитывала его детей и верила ему.

Я закрыла ноутбук. Слезы, тошнота и дрожь исчезли. Внутри осталась только звенящая, арктическая пустота.

Я знала, что должна делать.

Бить посуду? Устраивать истерику? Прибежать к нему в спальню и ткнуть его носом в эти билеты? Я знала, чем это кончится.

Он бы посмотрел на меня, как на сумасшедшую. Назвал бы истеричкой. Обвинил бы меня в том, что я взломала его компьютер, что я слежу за ним. Он бы снова все перевернул так, что виноватой осталась бы я. Я уже проходила это.

Нет.

В этой игре у меня был только один союзник. Человек, которого предали так же, как и меня. Человек, который уже что-то подозревал. Человек, у которого была власть.

Ковалев Игорь Михайлович.

Я спустилась вниз, легла на диван и закрыла глаза. Мой план был прост.

Через три дня я провожу своего мужа в аэропорт. Я поцелую его на прощание и пожелаю удачи на «саммите». Я буду улыбаться.

А как только его самолет оторвется от земли, я начну действовать.

Глава 9

Следующие три дня превратились в какой-то сюрреалистичный, тошнотворный спектакль. Время замедлилось, растянулось, и каждый час был наполнен ложью.

Я просыпалась утром на диване, слыша, как он шумит наверху в душе, и надевала на себя маску. Маску любящей, заботливой, «понимающей» жены.

— Доброе утро, милый! — говорила я, улыбаясь ему, когда он спускался на кухню, свежий и довольный жизнью.

— Доброе, котик, — он целовал меня в щеку, и я с трудом подавляла желание отшатнуться или вытереть место поцелуя. — Опять на диване?

— Просто не хотела тебе мешать, — отвечала я, ставя перед ним кофе. — Тебе нужно как следует выспаться перед такой важной поездкой.

— Это точно, — он отпивал кофе, принимая мою заботу как должное.

Я делала ему завтрак. Я собирала ему чемодан.

Это было верхом цинизма. Я складывала в его сумку летние рубашки, шорты и плавки, а он стоял рядом и весело комментировал:

— Вот эту, синюю, обязательно возьми. Там же океан, буду красивый на фото для тебя.

— Конечно, милый, — отвечала я, выдавливая улыбку. — И крем от загара не забудь. На «саммите», наверное, будет жарко.

Он смеялся.

— Обязательно, Алис. Работа работой, а о здоровье тоже надо думать.

Он ни на секунду не усомнился во мне. Моя покорность, моя забота, моя улыбка — он принимал все это как должное. Я была его «умницей». Его удобной вещью, которая лежала там, где он ее оставил.

Но самым сложным было не это. Самым сложным были дети.

Они чувствовали, что папа скоро уедет, и не отходили от него. А он, в предвкушении своего «отпуска», был идеальным отцом. Он возился с ними на ковре, читал им книжки, катал их на спине.

Я смотрела на эту идиллическую картину — мой муж, которого я ненавидела, и мои дети, которые его обожали, — и чувствовала, как во мне что-то медленно умирает.

Я смотрела, как он целует Машу в макушку, и мне хотелось крикнуть: «Не трогай ее!». Но я молчала и улыбалась.

Ночью я по-прежнему спала на диване. Он даже не настаивал, чтобы я вернулась в постель. Моя «мигрень» была ему невероятно удобна.

И вот, этот день настал.

Мы ехали в аэропорт. Я сидела на переднем сиденье, дети — сзади. Стас громко включил музыку и подпевал, отбивая ритм по рулю. Он был счастлив.

Я смотрела в боковое стекло, и мое лицо ничего не выражало.

— Ты чего такая тихая, котик? — спросил он, положив руку мне на колено. — Уже скучаешь?

Я вздрогнула от его прикосновения, как от удара током, и едва сдержалась, чтобы не скинуть его руку.

— Конечно, — тихо сказала я. — Буду очень скучать.

В аэропорту была обычная суeta. Мы сдали его багаж. До вылета оставался час.

— Ну что, провожайте меня, — он улыбнулся, присел на корточки и раскинул руки. Дети бросились к нему.

— Папочка, не уезжай!

— Пап, а ты мне привезешь работа?

— Обязательно, бандиты! — он расцеловал их. — Маму слушайтесь, не шалите!

Он встал. И посмотрел на меня. Его глаза сияли.

— Ну, Алис... — он притянул меня к себе. — Будь умницей.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня. Я зажмурилась. Это был самый отвратительный поцелуй в моей жизни. Я чувствовала только холод его губ и запах его самодовольства.

— Я буду звонить, — пообещал он.

— Конечно, — кивнула я, отстраняясь.

Я смотрела, как он идет к зоне досмотра. Он был звездой. Люди оборачивались, некоторые просили автограф. Он кивал, улыбался. Идеальный «Молот».

Он прошел через рамку, в последний раз обернулся и помахал нам рукой. Дети махали в ответ.

Я тоже подняла руку и улыбнулась.

Он скрылся в толпе.

Я стояла еще минуту, не шевелясь. Улыбка медленно сползала с моего лица.

— Мам, а папа скоро вернется? — спросил Миша, дергая меня за руку. — Пойдем мороженое купим!

Я опустила глаза и взяла детей за руки.

— Пойдемте, зайчики. Нам пора.

Когда мы вышли из здания аэропорта и сели в машину, я достала телефон. Дети шумели на заднем сиденье, но я их почти не слышала.

Я нашла в контактах нужный номер.

«Ковалев Игорь Михайлович».

Я нажала на кнопку вызова.

Гудки.

— Слушаю, — раздался в трубке хриплый, усталый голос тренера.

Я сделала глубокий вдох. Лед в моей груди окончательно застыл.

— Игорь Михайлович, здравствуйте, — сказала я так спокойно, как только могла. — Это Алиса Романова.

Пауза.

— Алиса? Что-то случилось? Стас что-то натворил?

— Со Стасом все в порядке. Он только что улетел. На Бали.

— Я в курсе, — раздраженно бросил Михалыч. — На свой «саммит».

— Игорь Михайлович, — сказала я, глядя на взлетающий в сером небе самолет. — А вы знаете, что ваша жена Кира летит тем же рейсом и жить они планируют в одном номере? У меня на руках копии их билетов и бронь отеля.

На том конце провода повисла секундная, оглушительная пауза, а потом я услышала глухой удар, словно он ударил кулаком по столу.

— Я думаю, нам нужно срочно встретиться.

Глава 10

— Где? — Голос Михалыча в трубке был ровным. Слишком ровным. Ни удивления, ни злости. Эта ледяная деловитость пугала больше, чем если бы он просто наорал на меня.

— Я не знаю. Где-то, где нас не увидят.

— Кафе «Вираз», на въезде в город. Через час.

Я посмотрела на заднее сиденье, на спящих детей.

— Я не могу через час. У меня дети. Мне нужно отвезти их домой, уложить, дожидаться няню. Я буду через два.

На том конце провода повисла пауза. Он словно взвешивал, стою ли я его времени.

— Два часа, — отрезал он и повесил трубку.

Я развернула машину. Дорога домой показалась вечностью. Я на автомате занесла сонных детей, передела их в пижамы, укрыла одеялами. Мои движения были механическими, но мысли неслись с бешеной скоростью.

Руки слегка дрожали, когда я набирала номер Ольги, нашей няни, женщины лет пятидесяти, которой я всегда безгранично доверяла.

— Ольга? Здравствуйте, умоляю, вы можете приехать? Прямо сейчас? — я снова солгала, на этот раз про то, что Стас забыл в аэропорту сумку с важнейшими документами, и мне нужно срочно ее перехватить.

Через двадцать минут она была у меня.

— Вы какая-то бледная, Алиса Станиславовна, — заметила она, принимая у меня детскую рацию.

— Просто замоталась, Ольга. Спасибо, что выручили. Я постараюсь быстро.

Я выскочила из дома и поехала в «Вираз».

Это была старая дальнобойщицкая забегаловка, пропахшая чебуреками и машинным маслом. Наш «глянцевый» мир и это место существовали в параллельных вселенных. Идеально.

Он сидел в самом дальнем углу, спиной к залу. Перед ним на столе стояла чашка черного кофе. Он не шелохнулся, когда я подошла.

— Садись, — он кивнул на стул напротив.

Я села. И впервые по-настоящему на него посмотрела. Я видела его сотни раз. На поле, на банкетах, на детских праздниках. Он всегда был «Михалычем» — грозным тренером, резким, громким, далеким и официальным.

Сейчас передо мной сидел Игорь Ковалев. Он выглядел уставшим, с серым оттенком кожи и жесткой складкой у рта, но... я почему-то только сейчас, в этом убогом кафе, заметила, каким он был на самом деле.

В нем не было глянцевої, смазливой красоты Стаса. Это была другая, зрелая, мужская привлекательность.

Высокий лоб, волевой подбородок, внимательные глаза под густыми бровями. Я с удивлением поймала себя на мысли, что никогда раньше не замечала, насколько он хорош собой. Он был одет в простую темную водолазку и джинсы, и эта простая одежда сидела на нем идеально.

От него исходила тяжелая, сжатая сила человека, который давно не ждет хороших новостей.

Он молчал, ожидая, когда я заговорю.

Я достала из сумки сложенные вчетверо листы бумаги, распечатки из ноутбука Стаса. Положила их на стол и пододвинула к нему.

Билет на имя Станислава Романова. Билет на имя Киры Ковалевой. Бронь отеля. «Вилла для новобрачных».

Я следила за его лицом, ожидая взрыва. Но он остался невозмутим. Он просто кивнул, словно я принесла ему отчет о тренировке.

— Я так и думал, — сказал он тихо.

Меня словно окатило холодной водой.

— Вы... вы знали?

— Я догадывался, — он поднял на меня свои тяжелые, внимательные глаза. — Давно. У меня просто не было вот *этого*. — Он постучал пальцем по распечатке. — «Вилла для новобрачных», как мило.

Он был игроком, который только что получил на руки козыри.

— Он убеждал меня, что я сошла с ума, — прошептала я.

— А мне, что я душу ее своей ревностью, — горько усмехнулся Михалыч.

Он откинулся на спинку стула.

— Что ты хочешь, Алиса? Побегать в прессу? Устроить скандал?

— Я хочу, чтобы они заплатили, — отрезала я. — За все.

— И я этого хочу, — кивнул он. — Но бежать в прессу прямо сейчас – глупо. Нас смешают с грязью вместе с ними.

Я поняла. Его расчетливость пугала, но и восхищала.

— И что... что вы предлагаете?

— Они сейчас летят, — он посмотрел на часы. — Счастливые. Влюбленные. Они прилетят через двенадцать часов в рай. И их будет ждать небольшой сюрприз.

— Какой?

На его губах появилась улыбка. Страшная улыбка.

— Как ты думаешь, что будет делать твой муж на райском острове, когда обнаружит, что его клубная «Платиновая» карта заблокирована по распоряжению клуба? И что будет делать *моя* жена, когда ее карты тоже превратятся в бесполезный пластик?

Я смотрела на него, боясь дышать.

— Вы... вы уже?

— Я ждал только этого, — он постучал по билетам. — Подтверждения, что они улетели *вместе*. Сегодня утром я созываю внеочередной совет директоров. Романов будет уволен по статье. Нарушение контракта, обман руководства, аморальное поведение. Его обратный билет, оплаченный клубом, будет аннулирован.

Он говорил это так спокойно, будто обсуждал тактику на предстоящий матч.

Впервые за эти дни на смену страху пришло чувство опоры.

Он посмотрел на меня по-новому. В его взгляде мелькнул... интерес? Хотя нет, просто показалось.

— Ты, Алиса, молодец. Вовремя пришла.

Он встал, пряча распечатки во внутренний карман куртки.

— Езжай домой, к детям. И никому ни слова, просто жди. Скоро будет громко.

Глава 11

— Еще шампанского, мистер Романов?

Я лениво кивнул стюардессе, не отрывая руки от коленки Киры. Стюардесса улыбнулась – я узнал этот взгляд. Меня все всегда узнавали. Этот взгляд – смесь благоговения и желания. Я – Стас «Молот» Романов. Я к этому привык.

— Спасибо, дорогая, — промурлыкала Кира и поправила мои волосы. — Мой чемпион устал.

Я усмехнулся. Бизнес-класс «Эмирейтс», кресла, раскладывающиеся в полноценные кровати, шампанское рекой, а рядом – самая горячая женщина, которую я знал. Устал ли я? Черт возьми, я никогда в жизни не чувствовал себя лучше.

— Я не могу поверить, что ты провернул это, Стас, — прошептала Кира, придвигаясь ближе. От нее пахло... победой. И еще чем-то сладким, дурманящим. — «Саммит ФИФА»! Ты гений.

— Детка, я же «Молот», — я подмигнул ей. — Я могу все. Старый маразматик Михалыч поворчал, конечно, но куда он денется? Я – его главный актив. Без меня его команда – ноль.

— Он такой идиот, — рассмеялась она, отпивая из бокала. — Он вчера устроил мне сцену! «Кира, я тебе не доверяю! Куда ты летишь одна?». Представляешь? Пытался меня контролировать! Пришлось врать, что лечу к какой-то школьной подруге, ха! Будто я должна перед ним отчитываться.

— А моя? — я лениво потянулся. — Моя тоже хороша.

Я вспомнил лицо Алисы. Господи, как это было легко. Цветы, дурацкие сережки – и она уже плачет от счастья. Умница. Понимающая. Сидит дома, ждет. Идеальная жена. Скучная, до тошноты правильная, но... удобная. Она создана для того, чтобы создавать «тыл». А я создан для того, чтобы этот тыл использовать.

— Она проглотила все? — с интересом спросила Кира.

— С потрохами, — я рассмеялся. — Я ей даже про тебя вбросил. Так она, представляешь, даже бровью не повела. Уткнулась в плечо и сидит, гордится, что ее мужа ФИФА пригласил.

Кира запрокинула голову и рассмеялась. — Боже, какие они у нас... предсказуемые. Два доверчивых идиота.

— Эй, — я притянул ее к себе. — Алиса не идиотка. Она просто... домашняя. А Михалыч... он просто старый уже. А мы – мы живые, детка.

Я поцеловал ее, глубоко, пробуя на вкус шампанское и ее помаду. Стюардесса, проходя мимо, тактично отвернулась.

— Давай выпьем, — я поднял свой бокал. — За нас. За Бали. И за то, что мы умеем жить, а они — нет.

— За нас! — звякнула она своим бокалом о мой.

Двенадцать часов полета были раем. Мы пили, спали в обнимку, смотрели кино и строили планы. Мы обсуждали, как будем валяться на вилле «для новобрачных». Ведь я специально выбрал самую лучшую. Как будем плавать голышом в бассейне и как через две недели вернемся домой – загорелые, счастливые и абсолютно безнаказанные.

Мы приземлились в Денпасаре. Влажный, горячий воздух ударил в лицо, едва мы вышли из кондиционированного аэропорта. Нас ждал заказанный «Мерседес» S-класса с личным водителем.

— Мистер и миссис Романовы? — улыбнулся водитель, открывая для Киры дверь.

Кира вцепилась мне в руку от восторга. — Миссис Романова... Мне нравится, как это звучит, — промурлыкала она, устраиваясь на прохладной коже сиденья.

Дорога до виллы была сказкой. Джунгли, океан, этот сумасшедший запах цветов. Мы приехали.

Это было не просто «шикарно». Это был другой мир. Огромная вилла, утопающая в орхидеях, свой личный бассейн, уходящий в горизонт, и целый отряд улыбающегося персонала, который, казалось, только нас и ждал.

— Добро пожаловать, мистер Романов, — менеджер отеля, вежливый индонезиец, склонился в поклоне. — Ваш номер готов. Нам нужно только уладить формальности с депозитом.

— Без проблем, — я небрежно достал бумажник. Я чувствовал себя королем. Богом.

Я протянул ему свою главную карту. Черный, безлимитный «Платинум» от клуба. Карта, которая открывала любые двери. Мой символ власти.

Сотрудник провел ею через терминал. Улыбнулся. И снова провел.

Его улыбка стала чуть менее уверенной.

— Минуту, сэр, — он нажал какие-то кнопки. — Кажется, небольшая проблема со связью...

— Давай, давай, — поторопил я его, обнимая Киру за талию. Мы хотели уже остаться одни. Она нетерпеливо поправляла прическу.

Он провел картой в третий раз. Терминал противно пискнул.

— Прошу прощения, мистер Романов, — он поднял на меня виноватые глаза. — Но операция отклонена.

— Что? — я нахмурился. — Как это отклонена? Там безлимит. Попробуйте еще раз. Это какая-то ошибка.

— Я пробовал, сэр. Связь есть, но...

Он показал мне экранчик. Я не разбирал, что там написано, но одно слово понял.

DECLINED.

— Ерунда какая-то, — я начал злиться. Это было унижительно. — Натэ, попробуйте другую.

Я вытащил свою запасную карту. Этого должно было с лихвой хватить. Он провел ею. Тот же противный писк.

DECLINED.

— Сэр... — начал менеджер, и в его голосе уже не было былой вежливости.

— Да что за черт! — я начал терять терпение. Кира напряглась и отошла от меня на шаг, ее улыбка исчезла. — Кир, дай свою.

— Да, конечно, милый.

Она протянула ему свою блестящую, золотую карточку, нервно постукивая ногтем.

Менеджер провел. И снова писк.

— Извините, мэм, — он покачал головой. — Но эта карта тоже...

В холле виллы, где пахло цветами и роскошью, повисла очень неловкая, злая тишина. Водитель, ожидавший чаевых, делал вид, что рассматривает потолок.

Администратор отошел ненадолго, но быстро вернулся.

— Простите, сэр, — менеджер посмотрел на меня холодно, его бывшая услужливость испарилась. — Но операция по всем картам отклонена. Я только что связался с вашим банком по экстренной линии. Мне очень жаль, но банк сообщает, что ваши счета... заблокированы.

Глава 12

Телефон вибрировал на стеклянном столике. Имя «Стас» на экране, казалось, прожигало мне сетчатку.

Я смотрела на него. Секунду, две, три.

Чат «Жены Игроков» надрывался от уведомлений. Я видела, как в превью всплывают сообщения: «...*Господи, аморальное поведение! Что он сделал?!...*» «...*Алиса, ты где? Ты в порядке?!...*» «...*Кира Ковалева? Жена Михалыча?! Я в шоке...*»

Телефон не умолкал. Он сбросил вызов и тут же начал звонить снова. Настойчиво, требовательно. Видимо он был зол или в панике.

Я сделала глубокий вдох, вытерла вспотевшие ладони о джинсы. Руки мелко дрожали, но это была уже не дрожь страха. Это был азарт. Я заставила свой голос звучать ровно и даже немного сонно.

— Алло.

— АЛИСА?!

Его рев в трубке был таким громким, что я инстинктивно отстранила телефон от уха. Это был не мой муж. Это был разъяренный, раненый зверь. В его голосе смешались ярость и... да, паника. Непонимание того, как мир посмел повернуться против него.

— Какого черта происходит?!

Я встала с дивана и подошла к окну. Ночь была тихой, в свете фонаря падал редкий снег.

— Привет, Стас. Что-то случилось? — спросила я так спокойно, как будто он звонил спросить, что дети ели на ужин.

— ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? — заорал он. — Ты издеваешься?! Мои карты! Все мои карты заблокированы! Я стою здесь, как последний идиот, в отеле, и не могу заплатить!

Я смотрела на свое отражение в темном стекле.

— Карты? — я удивленно приподняла бровь, придавая голосу нужную долю беспокойства. — Странно. Наверное, какая-то ошибка банка? Может, из-за роуминга?

— КАКАЯ ОШИБКА?! — он почти срывался на визг. Я никогда не слышала его таким. — Твоя подруга Лана только что прислала мне скриншот! ВЕСЬ ИНТЕРНЕТ ГУДИТ! ЧТО ЭТОТ СТАРЫЙ МАРАЗМАТИК СЕБЕ ПОЗВОЛЯЕТ?!

Лана. Ну конечно. Она всегда была быстрее всех.

— Да, я видела, — так же ровно сказала я, листая ногтем новость на экране ноутбука. — Весь наш чат гудит. Ужасно, конечно. «Аморальное поведение»... Что же ты такого сделал, Стас?

В трубке на секунду повисла оглушительная тишина. Я слышала только его тяжелое, сбившее дыхание. Он понял. Он наконец-то понял, что я не на его стороне.

— Ты... — прошипел он. — Ты знала.

— Я догадывалась, — пожала я плечами, хотя он и не мог этого видеть.

— ЭТО ТЫ ВСЕ УСТРОИЛА! ТЫ, ДА?! ТЫ СГОВОРИЛАСЬ С ЭТИМ СТАРИКОМ!

— Я? — я искренне удивилась. — Что ты, Стас. Я сижу дома. С детьми. Это ты у нас на «важном саммите ФИФА». Наверное, тебе стоит позвонить организаторам? Или в клуб? Выяснить, в чем дело?

— Я НЕ МОГУ НИКУДА ПОЗВОНИТЬ! — снова заорал он. — У меня заблокировано все! Алиса, я не знаю, что ты там себе надумала, но ты сейчас же...

Он сбавил тон. Я узнала этот прием. Если крик не работает, в ход идет манипуляция. Он пытался вернуть себе власть.

— Алиса, слушай меня. Ты сейчас же звонишь в банк. Ты звонишь в клуб. Ты говоришь им, что это чудовищная ошибка, что твой муж не мог...

— Я? — перебила я его. — Почему я, Стас? Я всего лишь твоя «удобная» жена. Твоя «глупышка». Я в этом ничего не понимаю.

Я бросила в него его же слова. И, судя по тишине на том конце, попала точно в цель.

Он снова замолчал. Я слышала, как где-то рядом с ним раздался женский голос – высокий, плачущий, на грани истерики.

«Стас? Стасик, что происходит?! Мои карты тоже!».

Кира. Она была там, рядом с ним. Мое последнее сомнение, если оно и было, испарилось.

— А, — протянула я. — И Кира с тобой? Какое совпадение. Значит, вы все-таки встретились на «саммите».

— Ты... — прорычал он. И в его голосе зазвучала чистая, неприкрытая ненависть. — Ты пожалеешь об этом. Я клянусь, Алиса, я вернусь и уничтожу тебя. Ты у меня останешься без гроша! Ты поняла меня?!

Я усмехнулась. Я даже ощущала удовольствие от этого разговора.

— Правда? А как ты вернешься, Стас?

— В смысле?!

— Твой контракт аннулирован. А раз контракт аннулирован, то твой обратный билет, который ты зачем-то оплатил через клуб, тоже аннулирован. Я ведь права?

В трубке снова воцарилась тишина. На этот раз – мертвая. Абсолютная. Я думаю, в этот момент он понял, что это не просто ссора. Это конец.

— Удачи на Бали, милый, — сказала я. — И передавай привет Кире.

Я нажала кнопку отбоя.

Телефон тут же снова зазвонил. «Стас». Я смотрела на экран, но не спешила отвечать. Звонок прекратился. Через секунду телефон завибрировал от сообщения.

«АЛИСА, ВОЗЬМИ ТРУБКУ, Я ТЕБЯ УМОЛЯЮ!»

Еще одно.

«АЛИСА, ЭТО НЕ ТО, ЧТО ТЫ ДУМАЕШЬ!»

Еще.

«ЭТО ВСЕ ОН! ЭТО МИХАЛЫЧ МСТИТ!»

И последнее. То, которое он приберет на крайний случай.

«АЛИС, У НАС ЖЕ ДЕТИ!!!»

Я отложила телефон и откинулась на спинку дивана.

Я сидела в тишине. Меня больше не трясло. Я ничего не чувствовала. Только странную, звенящую пустоту.

Телефон снова завибрировал.

Я думала, это опять он. Но на экране высветилось другое имя.

«Игорь Михайлович».

Глава 13

Я смотрела на экран. «Игорь Михайлович».

Мои пальцы сами нажали на кнопку «Принять».

— Аллю, — мой голос был тихим.

— Ты видела новости? — спросил он без предисловий. Его голос был таким же ровным, как и в кафе. Ни капли удивления или триумфа.

— Видела, — я посмотрела на ноутбук, где на красном заголовке уже висело сорок тысяч просмотров и сотни комментариев. — Вы... вы и билеты им слили.

— Доказательства должны быть публичными, — отрезал он. — Иначе Романов выкрутился бы. Сказал бы, что это клевета, что я свожу с ним счеты из-за жены. Он придумал бы сто причин для оправдания себя, но против доказательств не попрешь.

— Он звонил.

— Я знаю, — сказал Михалыч. — Он и мне звонил. Десять раз подряд. Но я не стал брать трубку.

— Он в ярости. Угрожал мне.

— Он в панике, — поправил меня Михалыч. — Это другое. Ярость можно направить. Паника — это просто шум, хаотичные движения. Он загнан в угол на другом конце света, без денег и без обратного билета. Он будет делать глупости.

— Что теперь? — спросила я, глядя в темное окно. Мне казалось, что я уже слышу какой-то гул снаружи.

— А теперь, Алиса, начинается самое сложное. Для тебя.

Я напряглась, вцепившись в телефон.

— Что вы имеете в виду?

— Он будет звонить тебе. Будет умолять, угрожать, давить на жалость, на детей. Он будет пытаться сделать виноватой тебя. Твоя задача — не отвечать. Ни ему, ни ей. Никому.

— А пресса? — я посмотрела на свой телефон, который разрывался от сообщений в чате. — Они же... они же сейчас начнут охоту. На меня, на детей...

— Они уже начали, — буднично сообщил он. — Мой помощник сказал, что пара машин из «желтых» изданий уже выехала с базы и едет к твоему дому. Они знают твой адрес.

Меня качнуло. Я присела на край дивана, пытаюсь унять внезапный приступ дурноты. Желудок снова свело спазмом.

— Что? Прямо сейчас?

— Они хотят получить твой комментарий. Увидеть твои слезы. «Брошенная жена» — это их любимый сюжет. Ты не должна дать им этого.

— Но что мне делать? — я в панике посмотрела на входную дверь. — Они же... они будут ломиться...

— Во-первых, успокойся. Дыши. Во-вторых, никому не открывай. Вообще. Задерни шторы и отключи звонок. В-третьих, я уже отправил к твоему дому свою личную охрану. Ребята будут у тебя через пятнадцать минут. Они встанут у ворот. К тебе и детям никто не сунется.

Я присела на край дивана, пытаюсь осознать масштаб. Я позвонила ему... сколько, двенадцать часов назад? А он уже заблокировал счета, уволил Стаса, слил все в прессу и теперь присылает ко мне охрану, будто это... будто это просто часть его работы. Будто он всю жизнь только и делал, что разруливал такие скандалы.

— Игорь Михайлович... Я... я не знаю, как вас...

— Просто сиди тихо, Алиса, — перебил он меня. — Ты дала мне то, что было нужно. Теперь моя очередь делать ходы. Идет?

— Да, — прошептала я.

— Вот и умница. И... — он на секунду замолчал. — Не отвечай ему. Что бы он ни писал. Это важно.

Он повесил трубку.

Я сидела в тишине. Охрана. Заблокированные счета. Увольнение.

Моя тихая, скучная жизнь, по которой я еще вчера так убивалась, закончилась. Начиналась какая-то другая.

Я посмотрела в окно. Как раз вовремя.

Яркие вспышки, не фары, а фотовспышки, ударили по стеклам, заставив меня зажмуриться. Одна машина, вторая. Хлопнули дверцы. Громкие, возбужденные голоса.

Я отшатнулась от окна и, присев на корточки, отодвинула штору на миллиметр.

Возле моего забора уже стояли два темных микроавтобуса. Из них высыпали люди. С камерами, с микрофонами. Они бежали к моим воротам.

Раздался звонок в дверь. Громкий, требовательный. Я вздрогнула, закрыв рот рукой, чтобы не закричать.

Потом еще один. А потом – стук. Сильный, настойчивый, кулаком по металлу ворот.

— Алиса Станиславовна!

— Алиса! Прокомментируйте ситуацию!

— Это правда, что ваш муж на Бали с женой тренера?!

— Вы знали об этом?!

— Как вы себя чувствуете?!

— Стас бросил вас?!

Они стучали. Они звонили. Они светили фонариками в окна гостиной, пытаясь поймать хоть тень, хоть движение. Кто-то дергал калитку.

Они окружили дом.

Я сидела на полу, зажав уши руками, и молилась, чтобы дети не проснулись. Весь этот шум, крики... Боже, лишь бы они не испугались.

И тут, сквозь весь этот шум, я увидела, как к воротам медленно подъехал большой черный «Мерседес»-Гелендваген. Из него вышли двое мужчин. Огромные, в строгих черных пальто. Они ничего не говорили журналистам. Они просто встали по обе стороны от калитки, скрестив руки на груди.

Журналисты на секунду притихли, а потом, поняв, что это охрана, а не «звезда», с новой силой накнулись на них с вопросами. Но мужчины стояли как две скалы, молча глядя перед собой.

Началась осада.

Глава 14

Я сидела на полу, зажав уши руками. Шум снаружи превратился в какой-то животный, многоголосый вой. Они колотили по воротам, по калитке, и каждый удар отдавался у меня в груди глухим, болезненным толчком.

— Мама?

Я вздрогнула и резко обернулась.

На верху лестницы, в своей пижаме со динозаврами, стоял Миша. Он тер сонные глаза и испуганно смотрел на мелькающие в окнах гостиной огни. Это были не фары, это были вспышки. Десятки вспышек, превращающих наш двор в стробоскоп.

— Мам, а что... что там громыхает? Гроза?

Господи. Дети. Мой страх за себя мгновенно испарился, заменившись ледяным ужасом за них.

Я пулей бросилась к лестнице, едва не споткнувшись в темноте.

— Тихо, милый, все в порядке, — я подхватила его на руки. Его сердечко колотилось так быстро, как у пойманной птички. Я прижала его к себе, пытаюсь своим телом закрыть от вспышек в окнах. — Все хорошо, это просто...

Я лихорадочно искала ложь. Любую, самую правдоподобную.

— Это просто репортеры. Ты же знаешь, папа у нас звезда. Они, наверное, хотят взять у него интервью, а перепутали время. Приехали не в тот день.

— А почему они так стучат? — он прижимался ко мне, пряча лицо у меня на шее.

— Они просто... очень шумные, — я несла его в детскую. Сердце разрывалось от вины. Это я во всем виновата. Я втянула в это детей. — Глупые дяди, не умеют себя вести.

В комнате Маши уже тоже горел ночник. Она сидела в кровати, вцепившись в своего плюшевого зайца, и плакала. Не навзрыд, а тихо, испуганно, глотая слезы.

— Мамочка, мне страшно! Там стучат!

— Тихо, тихо, моя хорошая. Ничего страшного не случилось, — я села на ее кровать, усадив Мишу рядом и прижимая к себе обоих. Они дрожали. — Слышите? Это просто глупые дяди, они сейчас пошумят и уедут. Им станет стыдно, что они разбудили маленьких деток, и они уедут.

Я говорила это, а сама слышала, как кто-то пытается перелезть через забор. Раздался крик одного из охранников Игоря – низкий, гортанный: «Назад! Частная территория!».

— А почему они кричат? — не унимался Миша.

— Потому что они невоспитанные, — сказала я так твердо, как могла. Мой голос, на удивление, не дрогнул. — А мы воспитанные, поэтому мы сейчас ляжем в кровати и будем спать. Никто к нам в дом не зайдет. Слышите? Дверь заперта. И у ворот стоят сильные дяди-охранники, они нас защитят.

Я уложила их, села между кроватями на коврик. Включила им ночник-проектор, который рисовал на потолке созвездия. Нашла на планшете тихую колыбельную, сделав ее чуть громче, чем обычно, чтобы заглушить шум с улицы.

— Я буду сидеть с вами, пока вы не уснете, — пообещала я. — Закрывайте глазки. Все хорошо. Мама рядом.

Я сидела в полумраке, слушая тихую музыку и приглушенный, но не стихающий гул с улицы. Журналисты не расходились. Они кричали, их голоса превращались в неразборчивый гул. Я гладила Мишу по спине, Машу по голове, и ненавидела Стаса так, как никогда не думала, что способна ненавидеть. Это он привел этих гиен к нашему дому. Это он испугал моих детей.

Через полчаса, когда дыхание детей стало ровным, я на цыпочках вышла из комнаты, плотно прикрыв дверь.

Первым делом я прошла по всему дому и плотно, наглухо задернула все шторы, не оставив ни одной щели. Я выключила весь свет, кроме тусклого ночника в коридоре. Дом погрузился в темноту. Он перестал быть крепостью и стал... аквариумом, который со всех сторон облепили пираньи.

Я вернулась в гостиную и посмотрела на свой телефон. Он лежал на диване, и экран непрерывно светился от сотен уведомлений. Я взяла его в руки.

Чат «Жены Игроков» – 200+ сообщений. Пропущенных звонков – 34. 10 пропущенных от Ланы. 5 пропущенных от мамы. И 8 пропущенных от свекрови. Остальные от него...

И снова – «Стас». Звонок. Еще один. И еще.

Я открыла сообщения от мамы:

«Алисочка, доченька, что случилось?! Я видела новости! Это правда?!»

«Милая, возьми трубку, я волнуюсь!»

От свекрови:

«Алиса, немедленно перезвони! Что ты устроила?!»

«Ты разрушаешь жизнь моему сыну! Ты пожалеешь!»

Я сжала зубы. Даже сейчас виновата была я.

И снова завибрировал телефон. «Стас».

Я взяла телефон и просто выключила его. Нажала на кнопку и держала, пока экран не погас. Совсем. Бросила его в ящик стола и захлопнула дверцу.

Игорь сказал – никому не отвечать. Я и не буду.

Я снова села на диван в темноте. Охрана за воротами. Журналисты у забора. Дети спят наверху. А я – одна, в центре этого урагана.

Глава 15

Я не спала. Не думаю, что я вообще смогла бы уснуть, даже если бы в доме было тихо. Я просто лежала на диване в гостиной, свернувшись под пледом, и слушала.

Слушала, как стихает и снова нарастает гул за окнами.

Журналисты не расходились, они просто менялись. Утром, часов в шесть, на смену ночным «папарацци» приехали утренние, свежие и еще более наглые.

Я встала, когда услышала, как наверху затопали детские ножки. Спина болела, шея затекла, голова гудела.

— Мама! — Миша сбежал по лестнице. — А дяди-репортеры уже уехали?

Он подбежал к окну и хотел отодвинуть штору, но я успела его перехватить.

— Нет, милый, не трогай! — мой голос прозвучал слишком резко.

Он испуганно на меня посмотрел.

— Почему?

— Потому что... — я лихорадочно искала новую ложь, ненавидя себя за это. — Потому что они снимают кино. Про папу. И им нельзя мешать. Понял?

— Кино? — его глаза загорелись. — Настоящее? А мы там будем?

— Нет, — я взяла его за руку и повела на кухню. — Мы будем сидеть тихо, как мышки, чтобы не испортить им съемку. И к окнам подходить нельзя. Совсем.

— А Маша тоже будет мышкой?

— И Маша тоже.

Я включила им мультики на кухне, сделала кашу. Весь мой мир сейчас сузился до этого одного помещения. Весь остальной дом был враждебной, темной территорией. Я наглухо задернула шторы на кухне, оставив только тусклый верхний свет.

Дом перестал быть домом. Он превратился в бункер, в котором мы прятались от внешнего мира.

Я заставила себя поесть, хотя кусок не лез в горло. Я увлекла детей игрой за кухонным столом, чтобы лишний раз не передвигаться по дому. Я сидела с ними, механически соединяя кубики, но каждый раз, когда снаружи раздавался громкий смех или гудок машины, я вздрагивала.

Я вспомнила про свой телефон. Он так и лежал в ящике стола, выключенный. Я достала его, и на секунду захотелось включить. Узнать, что пишет мама, что пишет Лана.

Но вспомнила слова Игоря о том, что не нужно никому отвечать и убрала телефон обратно.

Но как он свяжется со мной? Как я узнаю, что происходит?

И вдруг в квартире раздался какой-то пронзительный, дребезжащий звук.

Я подпрыгнула, испуганно оглядываясь. Откуда?

Звук шел из коридора. Я не сразу поняла, что это. А потом до меня дошло. Городской телефон.

Он стоял на столике в коридоре, старый, пыльный аппарат, который я считала просто частью интерьера. Я им не пользовалась... да, кажется, вообще никогда. Я даже не понимала, зачем он нужен в наше время, но Стас настоял на его установке.

Для него это была не связь с миром, а просто "искалка". Он вечно терял свой мобильный где-то в доме, а потом звонил с городского на него, чтобы найти по звуку.

Телефон звонил пронзительно, требовательно. Я смотрела на него, боясь дышать. Кто мог звонить на этот номер? Кто вообще мог знать этот номер? Или... или журналисты как-то узнали и его?

Я бросилась к нему и взяла трубку.

— Алло?

— Как ты? — голос Игоря был спокойным.

— Они все еще здесь, — прошептала я. — Они окружили дом. Дети... они напуганы.

— Я знаю. Мои ребята на месте. Они никого не пустят.

— Что мне делать? Я не могу даже... я не могу выйти за продуктами.

— Тебе и не нужно, — сказал он. — Я обо всем позаботился. У тебя есть черный ход, который выходит во внутренний двор?

— Да...

— Через десять минут туда подойдет мой помощник. Он не в форме, он будет выглядеть как курьер. Он передаст тебе пакет. В нем все необходимое.

— Спасибо, — выдохнула я.

— И еще.

— Что?

— Твой мобильный. Он выключен?

— Да.

— Правильно. В пакете ты найдешь новый. И новую сим-карту. Как только получишь, включи его. Звони мне только с него. А свой старый телефон... избавься от него. Выброси. Они могут его отслеживать.

Он повесил трубку.

Я стояла, оглушенная. Отслеживать? Охрана, прослушка... Во что я, черт возьми, ввязалась?

Ровно через десять минут в черный ход тихо постучали. Я посмотрела в глазок. Обычный парень в форме курьера. Я приоткрыла дверь.

— Алиса Станиславовна? — он протянул мне две огромные сумки и небольшой сверток. — Игорь Михайлович просил передать.

Я молча забрала.

В сумках была еда. Молоко, хлеб, фрукты, мясо. Все, что нужно для жизни. А еще — два больших набора «Лего». Для Миши и Маши.

Я села на пол в коридоре, глядя на эти коробки. Он подумал о моих детях. Он подумал о том, что им будет страшно и скучно сидеть в запертом доме.

Я развернула маленький сверток. Внутри, в простой картонной коробке, лежал новый телефон.

Я включила его. Экран загорелся. Телефон был пуст. В нем был только один номер.

Я снова подошла к ящику стола, достала свой дорогой, красивый смартфон, в котором была вся моя прошлая жизнь — тысячи фотографий со Стасом, переписки с подругами, соц-сети...

Я смотрела на него секунду. А потом прошла на кухню, налила в раковину воды и опустила его туда.

Пузырьки пошли по экрану, и он погас. Навсегда.

Все. Прошлой жизни больше нет.

Я как раз отнесла пакеты с едой на кухню и разбирала их, когда городской телефон зазвонил снова. Я чуть не выронила пакет с молоком.

Я подбежала к трубке, думая, что это снова Игорь. Может, еще какие-то инструкции.

— Алло?

— Алисочка! Господи! Я дозвонилась!

Голос был не мужской. А высокий, взвинченный, до боли знакомый. Лана.

— Алисочка, милая, как ты?! Мы все сходим с ума! Мы видели новости! Я просто в шоке, я... я даже не знаю, что сказать!

Ее голос дрожал от возбуждения, а не от сочувствия. Она явно наслаждалась каждой секундой этой драмы.

— Привет, Лан, — сказала я ровно.

— Что у тебя с мобильным? Он выключен! Я сто раз тебе звонила! У тебя все в порядке? Эти... эти репортеры, они у твоего дома?

— Да, они здесь.

— Ужас! Какой ужас! — причитала она. — Алиса, скажи мне, это правда? Прямо... прямо с Кирой? С женой Михалыча? Я всегда знала, что она дрянь, я тебе говорила...

Я слушала ее щебет и чувствовала, как во мне снова закипает холодная ярость. Она звонила не поддержать. Она звонила собрать сплетни.

— Алиса, милая, мы все так за тебя переживаем! Мы в чате... мы не знаем, что и думать! Ты как? Ты плачешь?

— Лан, — перебила я ее.

— Да, милая?

— Ты что-то хотела?

Пауза. Мой ледяной тон явно сбил ее с толку.

— Ну... я... я просто... — замялась она. — Просто хотела тебя поддержать. Сказать, что мы все на твоей стороне. Стас, конечно, козел...

— Спасибо за поддержку, Лан. Мне сейчас не очень удобно говорить. Дети проснулись.

— Ой, да, конечно, детки... Бедняжки... А ты мне только одно скажи, — ее голос снова стал заговорщицким шепотом. — Ты... ты давно знала?

Я посмотрела на утопленный в раковине смартфон. На новый телефон на столе. На коробки с «Лего».

— Прощай, Лана.

Я повесила трубку, не дожидаясь ответа.

И в этот раз я подошла к аппарату и выдернула шнур городского телефона прямо из стены.

Все. Теперь точно все.

Глава 16

Стас Она повесила трубку.

Я смотрел на экран своего телефона. На имя «Алиса». И на надпись «Вызов завершен». Она. Повесила. Трубку.

Она, которая двенадцать лет смотрела на меня снизу вверх, как на бога. Она, которая боялась мне слово поперек сказать. Она, моя тихая, удобная, *понимающая* жена, только что повесила трубку, когда я орал на нее.

В этот момент ярость от заблокированных карт, унижение в отеле, злость на Михалыча – все это отошло на второй план. Главным стало это. Бунт.

— Что? — взвизгнула Кира, хватая меня за руку. Ее идеальный маникюр впился мне в кожу. — Что она сказала?!

Я отшвырнул ее руку.

— Она в стоворе с ним. Она все знала.

— Что?! — Кира отшатнулась, ее лицо исказилось. Это было уже не то красивое, томное лицо, которое я целовал в самолете. Это была маска паники и злобы. — Я тебе говорила! Говорила, что она не такая простая! Я чувствовала, как она на меня смотрит! И что теперь, гений?! Что мы будем делать?!

Она почти кричала. Мы стояли на раскаленной парковке отеля, рядом с «Мерседесом», водитель которого все еще делал вид, что изучает облака. Нас только что выставили из рая, как бродяг.

— Заткнись! — рявкнул я. — Я думаю!

— О чем тут думать?! — она махала руками, напрочь забыв о своем «глянцевом» образе. — Твоя жена и мой муж нас поймали! Они с нами играли! Они ждали, пока мы улетим, чтобы ударить! А мы, идиоты, пили шампанское и смеялись над ними!

Она была права, и от этого я злился еще больше. Они играли. Этот старый хрыч и моя серая мышь.

— У нас нет денег, Стас! — она уже не кричала, она скулила. — Вообще! Ни цента! Мои карты тоже пусты! Он все заблокировал! Мы на Бали, без денег и без обратных билетов! Нас даже в отель не поселили! Что мы будем делать?!

— Я сказал, заткнись!

Я отошел от нее, пытаюсь заставить мозг работать. Деньги. Мне нужны деньги. Я не могу позвонить в клуб. Я уволен. Я не могу позвонить в банк. Счета заблокированы клубом. Я не могу позвонить Алисе. Она... она больше не на моей стороне.

Я посмотрел на свои руки. На запястье тяжело блеснули золотые часы. Подарок от спонсоров за чемпионство. Они стоили прилично, я точно знал. Очень прилично.

— Деньги есть, — прошипел я.

Кира уставилась на меня, проследив мой взгляд.

— Что? — ее глаза округлились. — Ты... ты хочешь их продать? Свои часы?

В ее голосе было столько ужаса, будто я предложил продать почку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.